ПО КРУПИЦАМ

РОССИЙСКИЕ ШКОЛЬНИКИ ОБ ИСТОРИИ XX ВЕКА

НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ирина Викторовна Щербакова

По крупицам. Российские школьники об истории XX века. Сборник работ лауреатов Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9013594
По крупицам Российские школьники об истории XX века Сборник работ лауреатов Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век» 2011-2013 годов: Мемориал; Новое издательство; Москва; 2013
ISBN 978-5-98379-180-0

Аннотация

Издательская программа Международного общества «Мемориал» Всероссийский конкурс исторических

исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век» проводится при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонда Фридриха Науманна за свободу» (Германия) в Российской Федерации, Фонда Кёрбера(ФРГ) Издание осуществлено при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» и Фонда имени Генриха Бёлля. В сборник вошли работы российских школьников – лауреатов Всероссийского исторического конкурса «Человек в истории. Россия – XX век» 2011–2013 годов. Работы рассказывают о раскулачивании и Большом терроре, судьбах интеллигенции в 1920-1930-х годах, Великой Отечественной войне, блокаде и эвакуации, повседневной жизни советских людей в 1950-1980-х годах, Карибском кризисе, Чернобыльской аварии, распаде СССР и перестройке.

Содержание

Ирина Щербакова 6
Гюнтер Заатхоф 13
Семейные хроники 18
Анастасия Ларина, Артем Харитонов 18
Алексей Пойлов, Марина Пойлова 70
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Сборник работ лауреатов По крупицам

Российские школьники об истории XX века Сборник работ лауреатов Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век» 2011–2013 годов

Ирина Щербакова
«Насущный хлеб» памяти

Международное общество «Мемориал»

Предлагаемый читателям новый сборник работ российских школьников, присланных на конкурс «Человек в истории. Россия – XX век» в 2012–2013 годах, – уже 14-й по счету. За 14 лет получилась целая книжная полка с настоящей энциклопедией российской памяти о XX веке, составленной поколением «нулевых».

Но интерес представляют, на наш взгляд, не только собранные за эти годы школьниками (вместе с их учителями и родителями) и хранящиеся в архиве «Мемориала» тысячи исторических свидетельств, документов, человеческих историй, из которых мы смогли опубликовать лишь очень немногие. Важно, что благодаря этим работам можно проследить, как трансформировалась память о XX веке на протяжении последнего десятилетия, как изменялись за эти годы взгляды и представления, темы и сюжеты.

Самое очевидное – а мы старались отбирать для сборника наиболее характерные работы – это уход свидетелей тех трагических событий, которые коренным образом перевернули жизни и судьбы в России в первой половине XX века. Еще десять лет назад, когда школьники описывали эту эпоху, главным источником для них были живые носители памяти. Но сегодня это в основном разного рода и разным образом обнаруженные или путем долгих поисков добытые документы. Опора не столько на живые устные воспоминания, сколь-

ко на письменные источники все чаще придает семейной истории (а история семьи – одна из важнейших тем конкурса) форму исторической хроники, составленной из писем, дневников, документов и фотографий. Это создает трудности для юных авторов: им порой нелегко комментировать и расшифровывать такие материалы, сложно понять, а главное, представить себе то, что происходило за 70 лет до их рождения.

Но это, нам кажется, не умаляет значения архивных находок, которых много в этом сборнике. Например, переписка семьи Беллюстиных, из которой вырастает редкий по силе и трагичности рассказ о повседневной жизни российских интеллигентов во время Гражданской войны и в 20-е годы. Или записи в тетрадке, оставленные едва освоившей грамоту прабабушкой юных авторов из Волгограда, которая задолго до их рождения описала свою полную тягот и лишений жизнь.

Но и поиски документов в последние годы становятся все более трудным занятием. Попасть в архивы не только старшеклассникам, но и их учителям и родителям сегодня гораздо тяжелее, чем было еще несколько лет назад. Но даже если удается найти документы, например, получить следственные дела – да еще сразу и на прабабушку, и на прадедушку – учителей карельского языка, арестованных по обвинению в шпионаже в пользу Финляндии, – то их правнучке, школьнице из Твери, очень трудно анализировать абсурдные пока-

зания из этих дел, сфабрикованных во время Большого террора. Тут возникает еще одно важное обстоятельство – фактически никаких знаний о сталинском терроре, механизме массовых репрессий занятия в школе по истории не дают, а в нынешних обстоятельствах и не могут дать.

Но зато появилось то, чего не было в первые годы школьного конкурса, – широкое использование школьниками Интернета. Конечно, сеть не может заменить живое общение с историческими свидетелями, но Интернет помогает порой установить неожиданные связи, найти людей, упомянутых в документах, проследить их судьбы. Например, в работе, посвященной судьбе семьи Семиз, владимирским школьникам удалось обнаружить связь авторов найденных ими писем с Анной Ахматовой, собрать сведения об эвакуации Эрмитажа, о жизни ленинградской интеллигенции во время блокады и многое другое.

Но есть и еще одна важная вещь, которая проявляется в работах последних лет. Отсутствие свидетелей и не восполненные белые пятна семейной истории заставляют наиболее любопытных и пытливых из наших авторов с поразительным упорством искать стершиеся следы – например, место захоронения расстрелянного в Туруханске прадеда и всех, кто вместе с ним проходил по кулацкой операции 1937 года, или восстанавливать судьбы без вести пропавших во вре-

мя войны односельчан и родственников в татарской деревне, бороться за реабилитацию семьи российских немцев, стремиться восстановить добрую память о тех, кого долгие годы считали дезертирами, кулаками, врагами народа.

Конечно, авторы многих работ по-прежнему опираются на рассказы свидетелей, но эти свидетели – бабушки и дедушки сегодняшних школьников – рассказывают уже о временах и событиях гораздо менее кровавых и трагических: о 60-80-х годах XX века. Это подробные описания повседневной жизни в российской глубинке, рассказы о сером и трудном быте, когда жизненное время уходит на доставание вещей и продуктов, когда помнится каждая успешная «добыча» вроде пары белых туфель для невесты или букета цветов. Но благодаря таким живым деталям юные авторы улавливают дух времени, передают ощущение застоя, развала системы. Нарисованная ими картина провинциальной советской повседневности вольно или невольно разрушает популярный сегодня миф о якобы благополучно-счастливой брежневской эпохе. Не только описание постоянной битвы за сравнительно «нормальную» в советских условиях жизнь работает на эту демифологизацию, но и примеры бесправия людей, жизни которых власть бездумно и бессмысленно подвергает риску, посылая в Афганистан или на ликвидацию Чернобыльской аварии.

Наиболее живыми и личными – и это тоже характерно для работ последних лет – получаются те из них, где сами авторы выступают в роли исторических свидетелей, когда включается и их собственная или еще «близко лежащая» память. Это касается эпохи 90-х, пережитого многими семьями распада СССР, когда приходилось бросать дома и квартиры и искать пристанище в России, начиная все с нуля. Это попытки разобраться в том, как сказались на жизни их близких реформы, как проходила приватизация, как это выглядело в их родных местах, где полученные ваучеры обменивали на мешок сахара или индюшку. И это попытки разобраться в одном из самых тяжелых явлений сегодняшней жизни – в причинах недоверия и нелюбви к чужим, к приезжим и просто к другим…

Конечно, сохранить живую передачу памяти другим поколениям едва ли возможно, но, как мы видим по многим работам, возможна передача личного и семейного опыта, включение его в широкий исторический и культурный контекст, как возможно и осознание хода и движения истории и своего собственного места в истории. Включение семейной памяти с ее «насущным хлебом» создает живую традицию и настоящую преемственность, которой так не хватает в российской исторической памяти.

Об этом пишет в своей работе школьница из Петербурга,

показывая эту связь, эту историческую преемственность на самом простом примере – передаче кулинарных рецептов – от прапрабабушки, которая была кухаркой у принца Ольденбургского, до нынешних времен:

Семейные обеды, праздничные застолья – часть нашей семейной культуры. За столом мы рассказываем о прошедшем дне, слушаем воспоминания взрослых. Я думаю, мне и моей сестре удастся сохранить эту традицию. Мы едим блюда, которые теперь, когда мы знаем их историю, являются для нас отголосками времени… Ненаписанная кулинарная книга моей семьи – это книга воспоминаний. Читая ее, я переживаю историю своей семьи. Кулинарные традиции – ниточка, которая связывает у нас разные поколения, разные времена. Каждый раз, когда мы садимся за стол, мы чувствуем эту связь. Умение сохранять традицию способствует сплочению семьи, помогает выстоять в трудных обстоятельствах, что как раз и было проверено на примере моих близких.

Гюнтер Заатхоф
«У прапрадеда нет могилы»

Фонд «Память, ответственность и будущее»

Эти слова Дарьи Шевченко из Туруханска относятся к очень многим людям, чьи судьбы исследуют и восстанавливают школьники, принимавшие участие в историческом конкурсе «Мемориала». Это те, кто были расстреляны во время Большого террора 1937–1938 годов, это пропавшие без вести на полях сражений Второй мировой войны в 1941–1945 годах, это лежащие в безымянных могилах в Германии, там, где были концлагеря и лагеря для военнопленных.

Но что это означает: нет могилы? Это значит, что нет места, куда можно было бы прийти, чтобы помянуть своих близких. Это значит, что люди, как правило, очень мало знают о судьбе погибших родственников. Страх и травма от пережитого долгие годы заставляли многие семьи молчать о том, что случилось с их близкими. Угроза репрессий, официальный запрет упоминать о жертвах усиливали это молчание (а в большинстве случаев являлись его причиной).

В своей работе Дарья Шевченко представляется читателям как потомок своего прапрадеда: «Я праправнучка со-

сланного в Туруханск и расстрелянного в Туруханске Фёдора Григорьевича Долгинского, и мы, его потомки, живём в Туруханске». Она нарушила семейное молчание, начала поиски информации о прапрадеде и, таким образом, прибавила нечто важное и к своей идентичности. Ее взаимосвязь с судьбой предка совершенно очевидна: ведь если бы его не сослали в Туруханск, ее семья и она сама сегодня там бы не находились.

И в сочинениях других школьников также часто звучит поразившее их авторов понимание: если бы мои предки тогда не выжили, меня бы сегодня не было на свете. Таким образом, давняя история становится конкретной и личной. Она становится интересной – и более того, она начинает определять собственное «Я» автора.

Уже в одном этом заключена большая польза, которую приносит конкурс: школьники узнают, кто они и откуда происходят. Расспрашивая своих близких или других исторических свидетелей о том или ином событии, они начинают разговор о прошлом в своей семье, деревне, школе и прорывают, таким образом, пелену молчания. Собирая информацию в архивах, они возвращают своим семьям их историю, а тем, кто лежит в безымянных могилах, – их имена.

«Я рада, что эти воспоминания войдут в историю нашего

семейного архива. Благодаря этому конкурсу я многое узнала о своей прабабушке, ведь об этих событиях в нашей семье подробно не знали, потому что прабабушка не любила об этом вспоминать», – пишет Татьяна Трашкова из Великих Лук. Ее прабабушка была во время войны угнана немцами на работу в Германию, в город Любек.

Работа Татьяны начинается словами: «Четыре моих прадеда воевали. Двое из них пропали без вести. Все попытки родственников отыскать их могилы после войны не принесли результата».

Война, немецкое нашествие, мужчины, ушедшие на фронт; военнопленные и угнанные, ставшие жертвами рабского труда в Германии, возвращение на родину, которая встретила их очень сурово, – об этом рассказывают многие работы сборника. И немецкий Фонд «Память, ответственность и будущее» поддерживает исторический конкурс «Мемориала» в том числе и потому, что его участники, рассказывая о трагической и полной боли общей истории Германии и стран бывшего Советского Союза, в своих исследованиях не ходят по «проторенным дорогам».

Алена Елисова начинает свою работу с такого наблюдения: «Мой прадед, Усман Тенишев, прошедший через всю войну, никогда не смотрел фильмы и передачи о войне.

„Неправда всё это, не было такого“, – таков был его ответ на вопрос, почему он уходит от телевизора».

Алена проследила военные судьбы многих своих родственников и нарисовала очень сложную и неоднозначную картину. Заканчивая свою работу, она подводит итог: «В жизни всегда есть место подвигу и предательству, так было и будет. Можно стыдиться, а можно гордиться прошлым своей страны. Но и в том, и в другом случае важно знать, помнить и хранить настоящую, подлинную историю, как бы горька и обидна она ни была».

Трудно лучше сформулировать задачу, которую ставит перед собой и Фонд «Память, ответственность и будущее», – задачу сохранять память о преступлениях национал-социализма и увековечивать память о жертвах, извлекая из этого уроки для современности.

Понимание того, что надо поворачиваться к горьким и тягостным страницам прошлого, потому что иначе оно «не проходит», является серьезным достижением исторического конкурса, который проводит «Мемориал».

И еще одна важная вещь: этот конкурс стимулирует способность критически подходить к источникам и таким образом поощряет стремление школьников к независимым суждениям и оценкам. А это – одно из основных условий для

стимулирования гражданской активности, участия в развитии демократических процессов и самостоятельных поисков исторической правды. Потому что интерпретация истории и культура памяти должны основываться на реальном историческом знании, независимых и объективных исследованиях, а не на идеологических схемах.

Конкурс «Человек в истории. Россия – XX век» широко известен во многих регионах Российской Федерации. Он, несомненно, способствует формированию будущего общества, потому что участвующие в нем молодые люди, которые потом займутся самой разнообразной профессиональной деятельностью, получат очень важные импульсы для своей дальнейшей жизни.

И за это – моя признательность и благодарность обществу «Мемориал».

Семейные хроники

Анастасия Ларина, Артем Харитонов
Семейные хроники.
Дневники и переписка семьи Беллюстиных 1918–1928 годов

г. Владимир, научный руководитель В. С. Бузыкова

Наша работа посвящена изучению уникальных исторических документов – дневников Всеволода Константиновича Беллюстина, известного российского педагога, работавшего с 1912 по 1916 год директором народных училищ Владимирской губернии, и писем его старшего сына Константина. Мы занялись восстановлением судьбы этого человека, связанного с историей образования в нашем крае. Самой большой удачей явилось личное знакомство с внуком нашего героя – Николаем Сергеевичем Беллюстиным, который проживает сегодня в Нижнем Новгороде и является хранителем семейного архива и исследователем рода Беллюстиных. Он прислал нам сканированные дневники своего деда, охватывающие период с 1907 по 1925 год, а также письма его старшего сына Константина Всеволодовича 1916–1930 годов. Судь-

бы В. К. Беллюстина и его сына Константина – крупицы в огромном трагическом водовороте истории России XX века.

Дневник Всеволода Константиновича Беллюстина

1918 год

К сожалению, за 1918 год Всеволодом Константиновичем сделано очень мало записей в дневнике, но и они дают возможность увидеть тот хаос, в который погрузилась страна за несколько месяцев правления новой власти, власти большевиков.

1 января 1918 года Всеволод Константинович пишет:

> *Год теперь очень тяжелый и разговоры тяжелые… С начальницей семинарии Зоей Вл. рассуждали о том, что в январе месяце может не быть ни жалованья, ни стипендий. Что-то будет со всеми? Наша семья еще протянет, а вообще-то многим придется очень туго.*

Но Всеволод Константинович ошибался, надеясь, что его материальное и социальное положение позволят ему преодолеть начавшиеся трудности. Прошло еще два месяца, и 3 марта появляется запись:

> *В институте сейчас живется трудно. Да и вообще живется слишком нелегко, тягостно. Властвуют большевики, т. е. предатели, сумасшедшие,*

отбросы и глупцы. В институте 30–31 января мне было выражено недоверие, а затем отменено. Я впал в уныние и даже малодушие. Перспектива действительно была страшная – остаться без всего в такое безалаберное время. Хорошо, что гроза на этот раз прошла.

Еще совсем недавно Всеволод Константинович был уважаемым человеком, педагогом-методистом, имя которого было широко известно российским учителям. В каждой губернии считалось большой удачей получить его согласие на участие в учительских курсах. Его книга «Как постепенно дошли люди до настоящей арифметики» поставила его в ряд с лучшими просветителями России начала XX века. И всё это больше ничего не значило. Другой причиной, угнетающей и раздражающей Всеволода Константиновича, является включение его в работу разных общественных организаций и комитетов.

Главным образом, хлопочу в потребительской лавке и в квартальном комитете, – записывает он в дневнике. – *В лавке я через неделю исправляю обязанности казначея. В квартальном комитете я председатель, собираемся еженедельно.*

Таким образом, вся жизнь педагога Беллюстина заполнена теперь не педагогической работой, а какими-то другими делами и заботами: собраниями, комитетами, союзами, потребительскими лавками и другой работой.

О резком ухудшении быта семьи говорит следующая запись от 3 марта 1918 года:

> *Спал плохо из-за блох. Квартира тесновата и отчасти сырая, полной чистоты навести не удается, белье меняем редко, потому что дорого стоит стирать, да и белья-то мало, потому что дорого стоит его заводить.*

Но самая большая проблема – это невозможность купить продукты. Их стали нормировать по социальному признаку, выдавать не за деньги, а распределять то по месту проживания, то по месту работы, то по школам. Это привело к полной неразберихе.

На лето 1918 года семья Беллюстиных уехала в свой дом во Владимир. Здесь у них оставалась корова, был сад, которые стали спасением семьи от голода. «Молоко было в это время главным нашим питанием», – пишет в дневнике Всеволод Константинович.

Приехав в Нижний Новгород, семья Беллюстиных первым делом стала заботиться о заготовке овощей. Целыми днями всей семьей они таскали мешки с городского огорода.

Весь день посвятили на переноску овощей, – пишет Всеволод Константинович. – *Принесли с городского огорода 5 мер картофелю, 4 меры свеклы и 2 моркови… Перетаскивали пудами или мешочками и корзинами примерно через каждые 50 сажен…*

Эти несколько страничек дневника Всеволода Константи-

новича Беллюстина 1918 года дают возможность увидеть тяжелое положение людей, в которое их поставили исторические события 1917 года.

1919 год

В 1919 году записей в дневнике Всеволода Константиновича также немного. Первая сделана 8 марта по старому стилю. Он пишет, что появилась горечь во рту из-за плохого питания:

> *Едим теперь всё и ничем не пренебрегаем. Всякая корочка на учете ими ей рады. Картофель мороженый, безвкусный – главное наше питание.*

В Нижнем Новгороде Всеволод Константинович теперь живет только со старшими детьми: Костей, Раей и Сережей. С ними также живет старая няня. Раиса Львовна с младшими детьми уехала к себе на родину в Лемдяй Пензенской губернии. О положении в городе свидетельствуют строчки:

> *Покупать теперь почти ничего не приходится, потому что ничего не продают. За бешеные деньги, говорят, всего достать можно. Вместо чая давно уж, с осени, пьем воду. И ничего себе, вода не хуже, чем чай, конечно, вода горячая.*

Новая запись появилась только 9/22 мая 1919 года. Всеволод Константинович остался в Нижнем один, так как занятия у старших детей в апреле закончились и он отвез их в Лемдяй. Читать об этих поездках без сострадания невоз-

можно:

Мы двинулись в Лемдяй в среду 24/7 мая, хотя пытались сесть на поезд еще 23 апр. – 6 мая, но не влезли в вагон. С утра мы засели в товарный вагон. К вечеру доехали до Лукоянова. Тут у нас отцепили паровоз для мобилизованных; мы стояли в Лукоянове ночь и половину дня. Холодно, тесно, спать трудно. С 2-х часов дня попали на товарный поезд, на тормоз; с большою скорбью, с мольбами и плачем, с постоянными просьбам и у кондукторов, с угощением папиросами разных товарищей добрались к полуночи до Тимирязево. Это было 25 апр. – 8 мая. Утром 26 апр. – 9 мая выехали со служебным поездом до Саранска.

От Саранска до Лемдяя Всеволод Константинович с детьми шел пешком 35–37 км.

8 сентября Всеволод Константинович описывает свое путешествие в Большой Вьяс Пензенской губернии, где он получил место заведующего школой 2-й ступени. Эти поездки по России в первые послереволюционные годы читаются как триллер.

С четверга 29 августа отправился в путешествие во Вьяс. Поезд отошел из Н. Новг. в 10 ч. В пятницу 30 авг. в пути: до 4 ч. к Арзамасу, с 4 до 11 стояли в Арзамасе. К вечеру прибыли в Тимирязево, перебежали для ускорения в дровяной поезд и к полночи были в Рузаевке. Сидели до полудня в поезде к

Воеводскому. Доехали до Симбухово в 2 ч дня. Пешком во Вьяс. Остановились в школе II ступени. Переговоры с учителями и волостным советом в воскресенье и понедельник. К вечеру пешком до Воеводского. Попали под дождь; ветер и темнота. На тормозе товарного поезда до Разуваевки. Прибыли за полночь. Дождался на вокзале рассвета и зашагал с Рузаевки на Лемдяй. Грязь, дождь, ветер, дорога длинная и утомительная. Добрался уже после захода солнца. Среду 4 сентября просидел в Лемдяе, в четверг 5-го попил чаю, поел и вышел в Саранске. Угодил прямо на поезд – пустой, товарный. В Тимирязеве ночью. Там сели на другой поезд, с которым и плелись медленно до Лукоянова. Часа в 4 перебежали на другой поезд, на платформу с бревнами. Приехали к 10 часам вечера. Сидели до 7 часов утра в Арзамасе. Приехали в Н. Новг. к 2 ч. Натерпелся за всё путешествие холоду и остановок. Кашель и зубная боль.

Такие испытания выпали на известного в России педагога, уже пожилого человека – ему в 1919 году было 54 года. Трудно себе представить его, перебегающего с платформы на платформу, едущего на платформе с бревнами, сидящего в товарном поезде, шагающего десятки километров под дождем к семье в глухой Лемдяй.

С октября 1919 года Всеволод Константинович начинает работать в Большом Вьясе. 24 октября он пишет в дневнике о том, что написал своему соседу по дому в Нижнем Новго-

роде «относительно вещей, которые остались у нас в квартире». Большое удивление вызывает перечень вещей, которые сегодня никто бы и за «вещи» не посчитал:

> *Кадка большая на дворе около погреба, кухонный стол, труба самоварная у студентов, ящики на кухне не менее 2, ящик небольшой для сиденья; на крыльце два макаронных и 1 побитый, 1 большой развихляистый. Еще осталась парта, испорченный стул, 2 горшка с трещинками, полка над кухонным столом; гардероб у студентов и верх шкапа.*

Описание этого скарба показывает, до какого нищенского состояния были доведены в короткий срок люди в России, если они пытались сберечь даже ящики, самоварные трубы и полки.

И последняя запись за 1919 год сделана 25 декабря:

> *Часов в 5 утра ходили к заутрени все. После нее носил воду, всего три пары. Затем пили чай (кофей хлебный) с молоком; черный хлеб и немного масла. Убирали елку до полудня. Пили кофей и ели лепешки из ржаной муки пополам с горьковатой пшеничной, которая осталась у нас от старого времени. До обеда сидели около елки в масках с Митей и Леней, а Костя и Раичка ходили на репетицию школьного спектакля (Женитьба). Обедали щи со свининой. Свинина своя и по случаю праздника досталось нам по кусочку, величиной с ложку. На второе – гречневая каша из остатков*

гречневой муки, привезенной из Нижнего. После обеда сидел у елки и писал это.

Ярким дополнением дневника Всеволода Константиновича являются сохранившиеся у потомков письма старшего сына Кости, жившего в 1919 году в Нижнем Новгороде вместе с отцом и регулярно писавшего матери о своей жизни и учебе.

Письма Константина Беллюстина за 1919 год

Михаил Афанасьевич Булгаков, который был свидетелем этих лет, в романе «Белая гвардия» написал такие строки: «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й. Но 1919-й был его страшней». Документы семьи Беллюстиных, которые мы взяли для исследования, – подтверждение правоты этих слов писателя. В семейном архиве Беллюстиных сегодня хранится около 40 писем Константина Всеволодовича Беллюстина, написанных им из Нижнего Новгорода матери в Лемдяй Пензенской губернии в 1919 году. В тот год ему было 15. Стараясь сообщить больше новостей, Константин пишет иногда сумбурно, но сегодня эти письма – настоящая энциклопедия повседневной жизни России в тот страшный год.

Костя уже вовлечен в хозяйственные заботы, знает цены, понимает, что жизнь наступила тяжелая.

Милая мамочка! Как вы поживаете? Все ли здоровы? Мы все здоровы… Керосина мы не получили,

в квартальной лавке потеряли закладную. Хлеб мы получаем каждый день, но его нам остается не более половины, а остальное сушится на сухари… Сливочное масло продавали на улице по 55 рублей за фунт, почем оно у вас?… Много ли вы запасли? Папа пошел в потребительскую, наверное, что-нибудь купит. Папа получил за курсы 600 рублей, теперь вам запасать можно больше, к весне всё подорожает. И сейчас наверно уж подорожало.

И в следующем январском письме Костя предупреждает:

Покупай больше в запас, потому что здесь купить нечего. В потребительской продается мука по 9 р. 50 к. и колбаса по 8 руб. 65 к. фунт. Папа купил того и другого.

Наесться досыта становится мечтой. Добыванием продуктов занято всё население.

Папа сегодня, т. е. в среду, хотел ехать в Лукояново за картошкой вместе с несколькими учителями от нескольких учебных заведений. Я ходил на вокзал провожать папу, но несколько человек не пришло, и дело расстроилось. Мы очень озябли, потому что был большой мороз, а вышли мы в шесть часов утра и пришли в 10.30. Папа пойдет сегодня в институт договариваться о поездке… Мамочка, приезжай скорей. У нас еще не учатся, не знаю, когда будем… Картошки мы не купили, потому что она совсем гнилая… Здесь валенки на мою ногу 100 рублей. Когда я был на Вьясе,

валенки стоили 3 руб. Если и теперь так, то надо купить.

Об обнищании семьи свидетельствуют такие строчки из письма Кости:

На улице стало холоднее, идет снег. За форму отдал портнихе 6 рублей. А на ноги мне надевать нечего, потому что у штиблет нет подметок, а у сапогов стоптаны каблуки, и через один протекает вода и отстает одна подметка. Если их отнести к сапожнику, то пожалуй возьмет дорого. Хорошо бы взял рублей 8-10. А валенные сапоги продырявливаются, ну да их скоро будет не надо…

По этим письмам Кости к матери видно, что торговля любыми товарами и продуктами практически полностью прекратилась. Введена карточная система, по которой можно что-то получить, но не наверняка, а если достанется. С каждым днем жизнь становится всё тяжелей.

Хлеба опять хотят уменьшать, – пишет он Раисе Львовне 16 марта, – *на первую категорию ½ фунта, на вторую ⅜ фунта, так что нам придется 3 и ⅞ фунта на день… между тем, как при вас давали по 7 и ¾ на день. Мне очень бы хотелось ехать к вам.*

К Костиному письму добавляет приписку Всеволод Константинович:

У нас особенных новостей нет. Пассажирские поезда остановились с сегодняшнего дня, есть

слухи, что и товарные вскоре принуждены будут остановиться. Припасы в городе исчезают и купить почти ничего нельзя.

Через несколько дней Костя пишет:

В городе стало еще голоднее, и паек еще уменьшили. Теперь мы будем получать на всех меньше каравая на два дня. Один из нашего класса, Савинов, сошел сума от недоедания.

Общий хаос в стране отразился и на порядках в школе, на дисциплине учеников.

Я только сейчас пришел из гимназии… Сегодня у нас в гимназии дрались: кто за Коммуну и кто против. Победили, кто против.

В августе Костя вернулся из Лемдяя в Нижний с отцом. Эта поездка опять стала для них испытанием.

Придя на вокзал, папа пошел узнать, скоро ли будет поезд на Нижний, но там сказали, что это неизвестно. И вот нам пришлось сидеть там целый день и ночь до 4 ч утра. Днем я ходил за кипятком и мы пили его с вишнями; ели хлеб с вишнями и огурцами. Сперва мы сидели на платформах, но потом нас оттуда согнали и мы ушли за вокзал и сели там на траву; решали немного задач. Часов в 9 вечера мы пошли в вокзал ночевать. Сперва сидели в зале, но потом нас выгнали. Через час нас опять впустил солдат… Получивши билет, мы пошли к поезду и, так как в

вагонах было тесно, залезли на крышу, откуда нас согнали. Тогда начальник станции велел прицепить два вагона, в которых народ и поместился. Мы сидели, но было тесно.

Удивительно, что даже наличие билета не гарантировало посадку в вагон. Почему пожилого человека с сыном прогоняли с платформы, выгоняли из зал а вокзала? А для кого и для чего это всё было построено? И люди покорно подчинялись вооруженным солдатам. Все боялись. Вот такую «свободу» несла новая власть народу.

Жизнь в Нижнем по-прежнему была тяжелой. В течение года цены на все продукты выросли в сотни раз. Костя пишет матери в августе: «Хлеб сейчас 1200 рублей за пуд, картошка 450 рублей. Я купил себе огурец за рубль». Сообщает он также матери о том, что «скаутов разогнали, теперь существуют скауты-коммунисты», но интереса к новым скаутам у Кости явно нет.

О напряженной обстановке в Нижнем в конце августа 1919 года Костя пишет:

Говорят, в Павлове восстание и, наверное, поэтому оттуда не ходят пароходы. И поезда ходят только до Арзамаса; в Лукоянове и Саранске восстания, в Сергаче тоже; в Сергаче 25000 взятых в плен казаков вооружились крестьянским оружием и воюют.

Ухудшение жизни и опасность голода все-таки заставляют

Всеволода Константиновича уехать из Нижнего в сельскую местность. Он получил должность директора школы 2-й ступени в селе Большой Вьяс, недалеко от Лемдяя. Незадолго до отъезда Костя пишет матери:

> *Муки у нас больше нет, будем питаться сухарями; мы уж начали их есть с сегодняшнего дня. Хлеба совсем не дают… Папа говорит, что тебе надо съездить на Вьяс, узнать как там. Здесь ходят слухи, что Саранск занят зелеными; будто бы поезда ходят только до Арзамаса. Молока в молочной никак не достанешь, его совсем не привозят. Я теперь совсем не гуляю, некогда.*

Письма Кости – исторические документы, отражающие повседневную жизнь эпохи Гражданской войны.

Дом В. К. Беллюстина во Владимире

Печальна судьба дома Всеволода Константиновича Беллюстина во Владимире. В 1914 году он купил дом на Вознесенской улице вблизи Вознесенской церкви. Дом был двухэтажный, просторный. Получив в 1916 году новое назначение в Нижний Новгород, Всеволод Константинович не стал продавать дом. Много труда было в него вложено, как и в прекрасный сад, из которого открывался красивый вид на Клязьму и заклязьменские луга.

Он планировал получать с дома доход, выйдя на пенсию.

Но революция 1917 года разрушила жизнь и планы сотен тысяч людей. Уже 1 января 1918 года Всеволод Константинович пишет в своем дневнике:

> *Предполагал я раньше, что можно будет жить на покое, получая пенсию и доход с дома. Теперь, возможно, прекращение пенсии и прекращение доходов с домов.*

Уже приехав летом 1918 года во Владимир, семья Беллюстиных не смогла в нем разместиться, как хотела. Об этом пишет Костя в домашнем сочинении «Что я помню за 1918 год»:

> *Мы хотели расположиться в квартире в верхнем этаже в сад, но ее у нас заняли большевики, и мы поселились в одной комнате в подвальном этаже. Еще нам дали комнату Казанские, в которой спали я и Сережа. Большевики тоже дали комнату, где помещалась мама с Раей, Митей и Леней. Папа все время спал в подвале.*

Таким образом, Беллюстины, оставаясь по документам владельцами дома, уже не могли свободно в нем проживать. Во владимирском доме Беллюстиных оставалось много вещей, которые они не перевезли с собой в Нижний Новгород, в том числе и богатейшая библиотека Всеволода Константиновича.

В 1919 году семья В. К. Беллюстина с младшими детьми

уехала из Нижнего Новгорода к себе на родину в Пензенскую губернию, немного позднее в эти же места переехал и Всеволод Константинович. Летом 1920 года Беллюстины узнали о том, что их дом во Владимире сгорел. Несмотря на все трудности, жена Всеволода Константиновича приехала во Владимир после пожара, чтобы посмотреть, что осталось от дома и не сохранилось ли что-нибудь у квартирантов, что можно было бы забрать с собой. Об этой поездке сохранилась запись, сделанная Костей:

> *Когда мама ездила во Владимир, Нета, бывшая прислуга, объяснила ей, что часть вещей была расхищена квартиранткой В. Сидоренко и ея сестрой Исаевой. Была мама и у Сидоренко и увидела, что зацепки у драпри сделаны из красного сатинета, бывшего некогда сарафаном Раички. Сидоренко смутилась и сказала маме, что эту материю она получила от своей сестры Исаевой. Еще она рассказала, что бельевой шкаф, стоявший в полуподвальном этаже, был вскрыт при ней председателем земельно-жилищного отдела Морозовым. Все вещи были расхищены. У Исаевой из наших вещей мама видела буфет, диван, старенькую тюлевую занавеску и картину, подаренную В. Н. Казанским.*

Эти строчки показывают действия власти, представители которой не стеснялись вскрывать чужие шкафы, давая повод и другим не очень-то бояться бывшего владельца. В архиве

Всеволода Константиновича сохранилась копия его жалобы на разорение дома и произвол. Вот ее текст:

Приношу жалобу на незаконные действия коллегии Владимирского уездно-городского коммунального отдела. Постановлением коллегии уездно-городского коммунального отдела 26 мая 1920 года взяты мои вещи домашнего обихода, перевезены на городской центральный склад и распределены. Но 22 апреля 1920 г. опубликован декрет о реквизиции и конфискациях. На точном основании того декрета я много раз обращался в коллегию, чтобы 1) мне выслана была копия акта с точным указанием формальных оснований, по которым имущество отобрано, и с точным указанием отобранного имущества, 2) чтобы по статье 9 декрета была произведена мне оплата отобранного имущества по вышеуказанному адресу. Никакого ответа на неоднократное заявление не получил. А потому прошу: 1) понудить коллегию уездно-городского ком. отдела выслать мне копию акта по ст. 9 декрета. 2) понудить коллегию оплатить мне отобранное имущество по ст. 9 декрета, 3) признать действия отдела незаконными и выдать в том мне письменное уведомление по вышеуказ. адресу.

Дополнительно заявляю:

1) лично явиться во Владимир не могу, так как в школе несколько работников и отпуска не получаю. Нанять доверенного не имею средств по многосемейности (8 едоков) и как проживающий

только на жалование школьного работника, 2) отобранная у меня библиотека в количестве до 2000 книг содержит в большинстве книги, необходимые мне как специалисту по методике математики (мое сочинение «Очерки по истории арифметики» значится в числе рекомендованных наркопросом). 3) книги и вещи оставлены были мною во Владимире, потому, что я подал заявление в Совет Владимирского института Народного Образования о желании быть лектором института по своей специальности и получил благоприятный ответ.

Никакого ответа Всеволод Константинович не получил. Также из владения Беллюстиных были изъяты дома в г. Зубцове – дом В. К. Беллюстина и дом матери, завещанный ему. Два из трех домов В. К. Беллюстина были безвозмездно изъяты новыми органами власти у их владельца, а один, из страха, что его отберут, был продан на дрова. Судьбы домов Беллюстиных были типичны для многих собственников домов в России. Для безвозмездной конфискации власть находила тысячи «уважительных» причин.

Письма Константина Беллюстина периода учебы и жизни в Москве в 1921–1928 годах

Последствия первых лет советской власти: голод, безработица, социальная дискриминация привели к тому, что боль-

шая и дружная семья Беллюстиных распалась на части. Мать с младшими детьми, спасаясь от голода, оказалась на своей родине в Пензенской губернии в селе Лемдяй, глава семьи со старшими детьми какое-то время оставался в Нижнем Новгороде, а старший сын Константин с 1921 года начал учиться в институте в Москве. По установленной Раисой Львовной традиции все члены семьи обязаны были регулярно писать и отчитываться матери о здоровье, обстановке, условиях жизни. Что с большой аккуратностью делает их старший сын.

1921 год

Первое письмо Константина датировано 12 мая. Вместе со своими друзьями он едет в Москву поступать в институт. Дорога была длинной и трудной, с пересадками и долгим ожиданием поездов. Сначала друзья шли до станции Симбухово пешком, а дальше было так:

> *Пришедши на Симбухово, и не добившись, когда пойдет поезд, сели немного почитать. Часов через 5 пошел маршрутный поезд, на который сесть нам не удалось, так как свободное место было только на крышах товарных вагонов.*

Катастрофическая ситуация, которая сложилась в России на железных дорогах в исследуемый нами период, подтверждается этими строчками письма нашего героя.

Следующий поезд, тоже товарный пришел в Симбухово в среду в 4 часа утра, на него мы и сели, правда, не совсем

обыкновенным способом. Во первых, пришлось вскочить на ходу, но главное, не в вагон или тормоз, а на цистерну. Положение было довольно-таки трудное, – откровенно пишет Костя, – *так как держаться не за что – цистерна круглая, она качается и вдобавок приходилось держать вещи. Наконец доехали до Воеводска.*

И заканчивает письмо грустной фразой: «Скоро вряд ли удастся приехать».

Следующие письма Кости относятся к сентябрю 1921 года и отправлены в Пензенскую тюрьму к отцу, где он содержался после ареста 1 июля на учительском съезде в Саранске. В первом письме с пометкой «проверено старш надзир» Костя описывает отцу, как семья, живущая в селе Лямдяй Пензенской губернии, сохраняет и убирает урожай, который они выращивали с великим трудом всё лето, чтобы как-то обеспечить себе пропитание.

В следующем письме, вернее записке, переданной Костей отцу в тюрьму (с пометкой «просмотрено») читаем: «Очень жаль, что не удалось поговорить, а спросить тебя нужно о многом».

В Москву на учебу Костя приехал с опозданием в середине октября, и город не очень обрадовал студента.

Во первых общежития нет, комнаты нет, паек за

октябрь в количестве 30 фунтов хлеба мне не дадут, к 15 ноября сдать все зачеты (в противном случае оставаться на второй год) и т. п.

В письме от 13 ноября Костя сообщает, что нашел комнату, которая показалась ему хорошей, «но потом как оказалось, она имеет некоторые недостатки». Современному человеку то, что Костя называет недостатками, показалось бы катастрофой.

Во первых, она сыра, так что с наружной стороны отклеились обои, дома, незадолго до нас испортился водопровод и приходится ходить с чайником с третьего этажа во двор; но это ничего, а главное затруднение вышло с печкой. В комнате ея не было, а зимой не топя, жить невозможно. И вот мы вдвоем (я живу вместе с одним, приехавшим из Алатыря, кончившим II ступень) заделались печниками и сделали печку в 35 кирпичей. Но она почему то так дымит, что можно только лежать на полу, а иногда топится хорошо. В ней мы варим себе картошку. Из мебели часть сколотили сами, а часть нашлась у соседей по комнате. Все-таки устроились ничего себе, – заканчивает Костя рассказ о своей комнате. Жить без водопровода и отопления, да вдобавок без мебели – и считать такое положение вещей «ничего себе»!!!

По письмам Кости осеннего периода можно уже догадаться, что программа НЭПа начала реализовываться, город на-

полняется товарами.

> *Москва начинает принимать прежний вид. Магазинов очень много и, главное, все с товарами. Нашему брату только приходится смотреть в витрины.*

Он в каждом письме отмечает резкое повышение цен на все продукты:

Хлеб 5000 рублей и будто бы он состоит на ⅓ из картошки. Но если пройтись по Сретенке и Петровке, – удивляется Костя, – *то забудешь и про голод. Хотя бывает и так: в одном окне выставлены лепешки из муки и листьев, 2% первой и 98% вторых и с афишей, призывающей на помощь голодающему Поволжью, а рядом торты, икра черная 120 тысяч рублей за фунт, балык осетровый и семга – 60 тысяч рублей за фунт.*

Упорство Константина в занятиях дало результаты. «Профессор теперь меня знает, считает одним из лучших студентов… И по остальным предметам стараюсь быть не в числе средних», – не без гордости пишет он матери. В другом письме он продолжает успокаивать родителей не беспокоиться о его быте.

> *Я чувствую себя хорошо, так как мне теперь беспокоиться и хлопотать не о чем. Живу по старому в той же комнате, варю картошку и хожу в Институт. Почти только в этом занятии и проходит всё время. Зимы здесь еще настоящей нет: снегу на ½ сант.*

и температура от 0 до -5. Все-таки в комнате у нас холодно и я иногда по вечерам занимаюсь у соседей и даже изредка ночую. Хорошо я попал – кругом все хорошие люди; иногда утром отдаю сварить картошки и к обеду прихожу к готовой. А то очень надоедает, придешь часа в 4, когда уже смеркается, а ничего не готово, приходится топить печку и готовить обед. Паек я немного не рассчитал: хлеб кончился, и я до нового, если его не дадут, буду употреблять сухари.

Косте всего 17 лет, он впервые один, в Москве, он учится и борется за свое существование, пытаясь свести до минимума помощь родителей.

1922 год

1922 год для Константина Беллюстина и его семьи выдался не менее трудным. Он начинается с дороги после рождественских праздников обратно в Москву, с множеством пересадок и трудностей.

С почтой доехал до Турдак, оттуда с мужчиной до Симбухова за 2 минуты до отхода поезда № 81 (смешанный). Пришлось ждать № 19, который пришел в 11 ½ вечера. Я сел на него и думал на Воеводском взять билет, но мне его не дали, говоря, что мое предложение недействительно, потому что оно не от Наркомпроса. Пришлось на тормозе доехать до Рузаевки, а оттуда в ящике для инструментов, находящемся под вагоном. Так я отъехал 190 верст от Рузаевки, где меня ссадили. Пришлось сесть на № 81… Там меня опять ссадили, я

сел на товарный поезд.

В условиях Гражданской войны на железных дорогах страны было разрушено много железнодорожных мостов, выведено из строя до 70 % паровозов, 15 тысяч вагонов. Движение дезорганизовано, так как телефонные и телеграфные линии связи были нарушены, аппараты для связи сломаны или украдены. Оттого перемещения из одного города в другой были столь сложными и мучительными. Читая все эти ужасы о путешествии нашего героя, понимаешь, что его смерть от хронического бронхита в 26 лет не была случайной.

Костя беспокоится о том, смогут ли учиться в московских вузах его младший брат Сергей и сестра Рая. Он сообщает:

> *Президиум Главпрофобра предложил особой комиссии выработать правила приема на осень в связи с тем, что 25 % учащихся будут учиться за плату, по предположениям от 10 до 15 пудов муки по теперешнему курсу.*

Но попасть учиться в Москву ни Сергею Всеволодовичу, ни Раисе Всеволодовне не удалось.

Отголоски страшного голода, поразившего прежде всего Поволжье, звучат в письме Кости от 9 февраля родителям:

> *По дороге в Москву я встретил 2 поезда с американским хлебом, направляющихся в Поволжье.*

Но эта помощь все-таки недостаточна. Каждый день происходят новые случаи людоедства. В Сасове при мне умирал от голода мальчишка лет семи.

Голод ощущает и сам Константин:

Насчет пайка вести неутешительные, наверно совсем не дадут. Не знаю, как и учиться, может скоро введут плату за обученье. В некоторых учебных заведениях уже ввели, среднее – 500 т. руб. в месяц.

Сообщает Костя и о мерах правительства по борьбе с голодом.

На заседании ВЦИК постановлено: все церковные ценности употребить на обмен на хлеб для голодающих.

Но, несмотря на голод, Костя сообщает о проведении в столице новых советских праздников, в частности о празднике Дня Парижской коммуны, который был нерабочим днем. Для Кости советские праздники пока удивительны и непонятны. Для него по-прежнему главные праздники – православные. Он, как нам кажется, далек от политики, от веры в политические лозунги и воззвания большевиков. Однако к одному из большевистских лидеров он, как ни странно, испытывает симпатию:

Был на демонстрации 8 ноября. Проходил в процессии по Красной площади в 2 саженях мимо Троцкого, Каменева и их свиты. Особенно запечатлелась мне фигура Троцкого. Мужественное,

очень твердое выражение лица. Был он в форме командного состава Красной Армии. В общем, он мне очень понравился. По крайней мере видно, что это не какой-нибудь размазня.

Быт Кости остается по-прежнему очень тяжелым.

За март нам дадут по 16 фунтов муки еще по старой «разверстке», а за апрель, конечно, если когда-нибудь дадут, то считаясь со стипендиями. Я уже не думаю о том, чтобы получить стипендию, а только бы не сняли с пайка.

Все-таки удача улыбнулась Косте:

Можете поздравить меня с неожиданным., но чрезвычайно приятным событием: я попал по распределению стипендий в первую категорию. Это тем более приятно, что всем остальным разрядам предлагается только платить, а не получать. Нам же обещают и паек и деньги, неизвестно только как это будет исполняться. На мне видно, что не только коммунисты могут попасть на стипендию.

Нет сомнений, что только успехи в учебе, уважение преподавателей сыграли роль в получении Костей стипендии первой категории. Он удивлен и обрадован тем, что можно получить стипендию, не будучи комсомольцем или коммунистом. И все же, несмотря на тяжесть быта, голод и необеспеченность, у него даже в мыслях нет намерения вступить в комсомол или партию. Ни брат Кости, ни сестра, собираю-

щиеся также поступать в институт, не вступают в комсомол, а между тем Костя пишет о правилах поступления в вузы:

> *В первую очередь принимаются без экзамена кончившие рабочие факультеты. Оставшиеся места будут распределены так: имеющие командировки от Центрального Комитета Рабочей Коммунистической Партии 25 %, от Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов 55 %, Центрального Комитета Рабочей Коммунистической Социалистической Молодежи 5 %, Народных Комиссариатов 5 %, Революционного Военного Совета Республики и Политического управления Республики 5 % и «Нацмен» – 5 %. Что под «Нацмен» подразумевается – не знаю.*

Понятие о «национальных меньшинствах» в советской России только начинает формироваться, и поэтому вызывает недоумение: что это такое?

К счастью, Косте повезло и летом ему удалось получить работу как практиканту. Получил он и паек и, по письмам, вполне доволен жизнью. В конце лета ему даже удалось съездить к родным в гости, и он был рад. В отличие от описаний путешествий к родным в более ранних письмах, последнее путешествие прошло более удачно. Он сообщает родителям, что в среднем жизнь в день ему обходится в 4–4,5 млн рублей, это если он экономит и получает кое-какие продукты из дома. Да и сам он многое умеет. В одном из писем он сооб-

щает родителям, что подшивает сам валенки.

В декабре Костю все-таки лишили стипендии. Успокаивая родителей тем, что ни в чем сейчас не нуждается, он как бы между прочим пишет:

> *Единственным минусом пока является то, что буду получать только паек, а с денежной стипендии меня сняли.*

Несмотря ни на что Костя добросовестно и с интересом учится:

> *Много времени отнимает проэктирование,* – сообщает он отцу в Нижний Новгород, – *сейчас я работаю по 2 проэктам: трамвайная загородная станция и баня, при чем в последнем проэкте главное внимание обращается на конструкцию. Очень сильно вредит отсутствие чертежной доски, рейсшины, треугольников и порядочной готовальни. Много денег приходится также тратить на бумагу: лист ватмана стоит 8 миллионов рублей.*

В последнем письме Константина, датированном 17 декабря, он пишет матери в Лемдяй, что не приедет на Рождество, так как имеется возможность заработать «около 100 миллионов рублей».

1923 год

С 1923 года Москва и Костя начинают жить лучше и увереннее. Теперь он живет в общежитии и очень доволен.

В общежитии у нас тепло, с часу дня до 12 ночи топится плита, кипятят куб, – сообщает он отцу в Нижний. – *Наверно это так будет всё время, потому что торфу сейчас около 5000 пудов.*

Но голод в России не отступил.

Получаю обед от католической миссии помощи голодающим Р.С.Ф.С.Р., – сообщает он в том же письме. – *Обед хороший: 5 раз в неделю рисовая каша с сахаром и 2 раза какао. И каждый день по ½ фунта белого хлеба. Подкрепиться этим обедом можно довольно хорошо. Это будет до 1 мая (21 февраля 1923 года).*

Доволен Костя и тем, что «из МОНО в общежитие пришли волосяные матрацы, досталось и мне. Теперь сплю на мягком».

На лето Константину «по счастливой случайности» удалось устроиться «в дорожном Отделе Моск. Коммунальн. Хоз. на должность техника-практиканта с окладом не меньшим 1 миллиарда».

В письмах Константина 1923 года упоминается борьба власти с церковью. «Сейчас вернулся из церкви, где служил патриарх Тихон, – пишет он 18 июля, – как отражается у вас раскол церкви?» К сожалению, своего отношения к расколу церкви Костя прямо не выражает, как открыто он и не выражает своего отношения к власти, но наверняка это его вол-

нует как человека верующего.

Работа, на которую устроился летом Константин, позволяет ему более или менее покрывать расходы на нужды первой необходимости.

> *Понемногу покупаю себе из одежды, бумаги, туши, карандашей и т. д. С удовольствием куплю что-нибудь для дома, только не знаю, что нужней.*

В письме от 27 июня он также просит родителей не присылать ему денег:

> *Так как я теперь человек богатый (в месяц получаю 2 миллиарда) и кроме того, мне хочется быть полезным для дома. Пусть Рая обязательно в следующем письме пришлет мерку ноги – я ей куплю туфли.*

Более того, он уже может себе позволить расходы на культурный досуг.

> *Раз ходил в Большой театр. Потом ходил в мелкие театры. Был на сельскохозяйственной выставке. Вы, может быть, даже не знаете о ея существовании, а она была очень интересна.*

1924 год

Первое письмо в новом 1924 году Константин начинает с сообщения о смерти Ленина:

> *В понедельник в 7 часов вечера умер Ленин. Точно*

не знаю – или от паралича мозга или от паралича дыхательных путей. В среду его привезли в Москву и вечером же мы с организацией ходили посмотреть на него. Лежит он в бывшем Дворянском собрании в Охотном ряду. Его анатомировали, бальзамировали, так что он теперь будет обладать всеми качествами мощей. Выражение лица его очень спокойное, лицо белое, голова совсем лысая (ни одного волоска), борода и усы рыжеваты и подстрижены. Одет очень просто. Тут же видел Крупскую с заплаканными глазами. Это седая дама, с отросшими (отрезанными?) волосами, лицом еще довольно моложавая. Тут же сидела какая то брюнетка – не знаю кто. Не сестра ли Ленина?… Болезнь Троцкого, оказывается, не столько является действительной болезнью, как вызвана расколом в партии, причем Троцкий очутился в меньшинстве и теперь принужден уехать в Крым. Сегодня на собрании у одного оратора проскользнула интересная фраза. Он сказал: как Моисей вывел нас из под ига египтян, так и сейчас Ленин вывел нас из под власти капитализма. Интересно, кто это «мы» (23 января 1924 года).

В письме отцу в Нижний он добавляет: «В субботу будут его хоронить. Придется, наверное, идти на похороны». В этом письме не видно никаких признаков восприятия смерти Ленина как «большого всенародного горя», да и фраза «Придется, наверное, идти» говорит о том, что ему не очень-то хочется в этом участвовать. А вот слова оратора о том, что Ленин вывел народ из-под власти капитализма и как бы

тем самым осчастливил, воспринимаются Костей с большим сомнением. Но он следит за начавшейся борьбой в партии и не верит тому, что пишут газеты.

Несмотря на плохое самочувствие, отец Кости Всеволод Константинович продолжает писать методические работы, редактировать написанные ранее, отправляет эти работы в Москву для издания. Решать вопросы издания работ Всеволода Константиновича берется Костя. Он постоянно сообщает отцу о посещении издательств, вникает в тонкости оплаты рукописей отца и докладывает:

> *Госиздат, оказывается, большой жулик. У многих авторов в договоре есть пункт, по которому ГИЗ обязуется в течение 5 лет повторять издание не реже, чем через 2 года, у тебя же этот пункт вычеркнут. На следующие издания плата была бы не с номинала, а за печатный лист: за новую рукопись – 80 руб. за 1 печатный лист, за повторное издание при отсутствии переработки – 40 руб. и при переработке 56 руб. В этом же духе перезаключаются сейчас все договора с авторами.*

На протяжении всех лет учебы и работы в Москве Константин будет «воевать» за справедливость оплаты работ его отца, но с минимальным успехом.

Беспокоят Костю «чистки», которые проходят в институ-

тах, в результате которых сокращается не только количество студентов, но и сами институты путем их слияния. Костя пишет матери:

> *Сейчас все расходы урезывают чуть не до нуля. В связи с этим предстоит слияние вузов и сокращение числа студентов. Сократить обещают чуть ли не больше половины. Для этого устраивают две чистки: по классовому подбору и академической неуспеваемости. Я как будто бы не вижу опасности ни в той, ни в другой.*

Но вскоре появляется серьезное уточнение:

> *Под именем академической проходит сейчас социальная чистка. Исключить хотят около 25 %. В число их попадут дети «буржуев», священников, статских советников и т. п. Обо мне тоже кое-что знают партийные люди, но они со мной в хороших отношениях и во вторых, в академическом отношении ко мне придраться очень трудно.*

В другом письме он просит:

> *Сейчас у нас идет чистка. Очень хорошо было бы прислать мне удостоверение о том, что папа преподает в ВУЗе. Хотя оно у меня и есть, но оно устарело.*

Значит, академическая успеваемость не всегда может помочь остаться в вузе. Социальное происхождение важнее. К счастью, Костя «чистку прошел благополучно, так, как даже

и не ожидал».

Впервые в одном из писем в 1924 году Костя открыто высказывается по поводу комсомольских активистов, с которыми живет в общежитии:

> *Живу вместе с несколькими комсомольцами, публикой вообще говоря, не утруждающей себя и предпочитающей гулять, есть и спать.*

1925 год

Первое письмо в 1925 году Костя отправляет с Курского вокзала. Он хочет, чтобы письмо «пошло с сегодняшним же поездом». Причина у него очень уважительная. Ему хочется получить стипендию, но для этого надо, чтобы из дома ему прислали как можно больше справок и удостоверений о работе Всеволода Константиновича, которые создавали бы впечатление, что он ведет большую общественную работу.

Хотелось бы, что бы при чтении удостоверения, – пишет Костя, – *получалось впечатление, что папа из Совпартшколы перешел в 2 пехотную школу, причем следует упомянуть о том, что папа «главрук», что является общественной работой. Да и вообще, чем больше будет об общественной работе, тем лучше. Если не будет неприятно брать удостоверения от комячеек этих школ, то это еще лучше.*

Костя понимает, что отец, уже пострадавший за свои взгляды, держится в стороне от всех этих ячеек, но Костя объясняет:

Хорошо было бы если удостоверения вышли довольно внушительными и содержательными. И об общественной работе, если, конечно, последнее не представляется затруднением. Под последней подразумеваются различные совещания, кружки и т. д.; но об роде общественной работы не упоминать.

Эти строчки еще раз дают основание сделать вывод, что для того, чтобы чего-то добиться в новой советской России, нужно, чтобы ты был общественным активистом.

Костя следит и за ходом внутрипартийной борьбы. В конце одного январского письма он делает приписку: «Когда Троцкого спрашивают – как его здоровье – он говорит: я еще не читал сегодняшних газет. И правильно». Последняя фраза Кости – это открытая оценка его отношения к советской власти. Он явно на стороне Троцкого.

В получении стипендии Косте не отказали, но и не дали, а зачислили кандидатом, то есть он ее сможет получить, если кого-то стипендии лишат. Костя уверяет родителей, что такое случается часто. И действительно через некоторое время его зачислили на стипендию. К сожалению, Всеволод Константинович об этом не узнал – он скончался в марте 1925 года.

В письме от 15 апреля Костя сообщает о смерти патриарха

Тихона и его похоронах.

> *В воскресенье хоронили патриарха Тихона. Народу было очень много. К последнему лобзанью шли рядами по 4 человека и хвост был в 3 и ½ версты. Кто теперь будет вместо него играть главную роль?*

А в другом письме добавляет:

> *Тихона отпевали пять часов и большую часть времени молили о том, чтобы ему были прощены невольные прегрешения. Под последним будто бы подразумевается признание советской власти.*

Некоторые строчки Костиных писем все-таки выдают его политическую позицию. Отправляя письмо матери через знакомого, он пишет о нем:

> *Он не особенно придерживается коммунистической точки зрения и поэтому с ним можно посидеть и потолковать.*

1927 год

1927 год Костя проводит за написанием диплома и продолжает работать. Здоровье его остается по-прежнему не очень хорошим. Тяготы Гражданской войны, холодная зима 1921/22 учебного года в Москве, путешествия зимой к родителям в Нижний и Вьяс стали причиной хронического бронхита. И болезнь каждый раз возвращалась с новыми более сильными приступами.

Интересно описание Костей посещения спектакля «Дни Турбиных» в Художественном театре:

> *Пьеса очень хорошая без малейшего налета коммунистических идей. Все белогвардейцы в ней – отличные люди, перешедшие же на сторону красных – отрицательные типы. Публика в театре при пении на сцене «За Царя, за матушку Россию» в некоторой своей части плачет. Не нравится пьеса только галерке. И дня через три после этого был диспут с участием Луначарского на тему об этом спектакле. Выступал также и автор – Булгаков, который в полемике с ругавшими пьесу, говорил, что их политический подход ему совершенно безразличен и его не интересует. В общем, за эти два дня я услышал столько контрреволюционных изречений, что в 1921 году за это надо бы было расстрелять.*

Пьеса Булгакова несомненно понравилась Косте: в ней не было «налета коммунистических идей» и правдиво отражались судьбы людей, оказавшихся в круговороте Гражданской войны. И то, что в ходе диспута Костя наслушался столько «контрреволюционных изречений», за которые «в 21 году надо было бы расстрелять», показывает, что он удивлен смелостью автора и его сторонников. Фразу «надо было бы расстрелять» Костя пишет в сослагательном наклонении. Он знает, сколько было расстреляно, его отец также за правду о действиях власти был арестован и мог бы быть расстрелян, но Костя и его родственники в своих мыслях и высказывани-

ях были очень осторожны, и ему удивительно, что нашлось немало зрителей, говоривших на диспуте правду.

В апреле 1927 года Костя успешно защитил свой диплом.

Сегодня – на службе и в Вузе – непрерывно получаю поздравления. Как же – стал настоящим инженером. По этому случаю устраивал целый банкет и стоя выслушивал в сотый раз те же поздравления. Теперь очередь за Раей и Сережей. Авансом поздравляю, – пишет Костя в письме от 7 апреля 1927 года.

Все дети Всеволода Константиновича стремятся к учебе в вузах. В 1927 году в институт должен был поступать Митя, через год и младший Леня. Сережа и Рая вскоре уже должны были закончить обучение в нижегородских институтах.

Чувствуется, из Кости получается хороший инженер. Он описывает матери:

> *Вчера в воскресенье, был на торжественной закладке нового корпуса Даниловской фабрики, где я сейчас работаю. Были в числе гостей: Куйбышев, Зам. Председателя ВСНХ СССР Серебровсий, Председатель Правления Камвольного Треста, Директора Фабрики, Председатели ЦК профсоюзов текстильщиков и строителей и т. д. Между прочим, я имел честь сказать всей этой компании кое-что относительно вентиляции на фабрике, а они – честь слушать меня. При этом и я и они разговором, очевидно, остались*

довольны.

В 1927 году борьба Сталина с его политическими конкурентами усиливается. Костя сообщает матери:

> *Слушаю здесь рассказы очевидцев про похождения оппозиции. Оказывается, ее сторонников на самом деле порядочно. На заводе, где работает квартирный хозяин, в комсомольской ячейке оппозиционеров больше половины. Каменев ходит под руку с рабочими по улице. Одним словом, работают* (17 ноября 1927 года).

Интересно, что Костя пишет о том, что «оппозиционеров» много, то есть людей недовольных советской властью «на самом деле порядочно».

В начале декабря Костю взяли в армию.

> *Выдано мне из одежды: шлем, шинель, сапоги, суконные брюки, бумажная рубашка, белье, теплая бумазейная нижняя фуфайка, шерстяные портянки. Белье меняется каждую неделю. Одеяло теплое, соломенный тюфяк, две простыни (одна в качестве пододеяльника) полотенце, наволочка, носовые платки. Питание такое: в 8 час. утра – чай с сахаром, 400 гр. белого хлеба. В 12 час. Завтрак – первое мясной суп, второе – тоже мясное (котлеты, тушеное мясо и т. д.). После завтрака сразу чай. В 4 часа обед – тоже из двух блюд, но без чая. В 8 час вечера – чай. После обеда – мертвый час, спать в 11, вставать в 7 час.*

Это описание режима дня и питания красноармейца красноречиво говорит о том, что уж в бытовом отношении красноармейцы находились в лучшем положении, чем гражданские служащие. Страшные 1921 и 1922 годы миновали.

Попал Костя в Военно-инженерную школу им. Коминтерна. Служба только на один год, но армия ему не по душе в принципе.

> *Так, в общем ничего. А с другой стороны, в иные моменты приходится чувствовать себя таким истуканом, что становится несколько обидно: учился, работал и т. д., а в конце концов – положение оловянного солдатика.*

Сообщая о военных предметах, которые им преподают, он не без сарказма пишет:

> *Да не пропустить самое главное и «инженерное» – политподготовка. На нее в течение зимних месяцев потратим 140 часов – время довольно продолжительное.*

Характеризуя курсантов, Константин пишет, что из 50 человек его отделения, обучающихся в Военно-Инженерной школе, «75–85%члены ВКП(б) и ВЛКСМ». Но с высшим образованием только пятеро, среди них и Костя. Косте крупно повезло: «В такие условия красноармеец попадает в 0,25 % случаев (на 300 000 человек – 1000)». Но все равно армия угнетает его. «Как-то даже тоскливо писать… Действитель-

но – выбросить год из жизни. Не так обидно еще, потому что живем мы 50 лет» (16 декабря 1927 года). Костя верит, что впереди у него еще большая долгая счастливая жизнь. Никакого чувства гордости от службы в Красной армии у него нет, нет интереса ни к военной подготовке, ни к занятиям по политподготовке.

Всеволод Беллюстин – директор народных училищ Владимирской губернии, 1912-1916

Константин Беллюстин в студенческие годы

Одна из последних фотографий Константина Беллюстина(2-й ряд, 4-й слева) среди рабочих. Г. Карачев Брянской губернии, 1929 или 1930

1928 год

1928 год для Константина – год службы в Красной армии. В одном из писем он описывает лыжную гонку, которая для многих участников чудом не закончилась тяжелой болезнью.

> *Вернулись с лыжных гонок инвалидами, наверное, $^{4}/_{5}$ группы. Ехать пришлось 25 километров вследствие ошибки контроля. Днем было – 10 и поэтому я поехал в легкой рубашке. Когда светило солнышко – было жарко, весь мой костюм совершенно отсырел. На обратном пути, когда стемнело, мороз усилился до -18, пришлось ехать в тумане по лощине и я начал замерзать. Рубашка, брюки и сапоги превратились в хрустящие при сгибании ледяшки. Случилось это, когда я проехал 23 км, осталось – 2. А, в общем, последствий никаких нет. 90 % же гонщиков отморозили ноги, уши и т. д. и с сегодняшнего дня начинают ходить в амбулаторию.*

Хотя Костя и пишет, что для него не было никаких последствий, но при его хроническом бронхите эти последствия скажутся позднее.

Несмотря на то, что в письмах Костя редко пишет о политических событиях, он просит родственников:

> *Постарайтесь где-нибудь найти журнал «Большевик» – №№ 23–24 за 1927 год и прочитать письма т. Иоффе (застрелившегося осенью) и ответ*

т. Ярославского. В них можно почерпнуть данные, характеризующие нравы кое-кого. Кстати, я не помню, писал ли вам о том, что был на похоронах Иоффе и, следовательно, был прямым очевидцем всего, на них происходящего. И в ответе Ярославский, мягко говоря, говорит неточно.

Это очень важная информация. Костя, который не очень-то хотел идти на похороны Ленина, но пошел на похороны т. Иоффе. В найденной нами информации в Интернете говорится, что Иоффе Адольф Абрамович – убежденный сторонник Троцкого – покончил жизнь самоубийством после того, как стало очевидно поражение троцкистов. В предсмертном письме Троцкому он писал: «Я не сомневаюсь, что моя смерть является протестом борца, убежденного в правильности пути, который избрали Вы, Лев Давидович».

И здесь опять всплывает Троцкий, политические взгляды которого все-таки, видимо, были симпатичны нашему герою. Наверное, Константин Беллюстин следил за политической борьбой в надежде, а вдруг произойдет чудо и к власти придут другие руководители, которые будут проводить другую политику, более демократичную и справедливую. И то, что Ярославский на похоронах говорил неправду, очень задело Костю. Наверное, и его братья Сережа и Митя тоже были согласны с ним. Никто из детей Беллюстиных, даже достигнув ученых степеней, ни в партию, ни в комсомол нико-

гда не вступал, хотя это и вредило их продвижению по служебной лестнице.

В начале апреля Костя поздравляет мать и братьев с праздником Христова Воскресения, а через неделю пишет о собрании на антирелигиозную тему:

> *Вчера был доклад на антирелигиозную тему; кто то из наших комсомольцев сказал докладчику преподавателю партийных и политических наук в нашей школе, что я не атеист. Под этим впечатлением он и делал доклад, отведя много времени тезису – наука и религия – не совместимы. Я был в наряде и на доклад опоздал часа на 1 1/2; послушал и потом задал несколько вопросов – удовлетворительных ответов не получил. В общем, было интересно; постановили, что если кто нибудь из нас будет хотя бы около церкви – он, тем самым, навлечет позор на Красную Армию. Ответственный секретарь ячейки ВЛКСМ так выявил себя каким то идиотом: сказал, что всем, вообще, надо выбирать: или Красная Армия – или религия. Засмеяли его, бедного.*

Десять лет советской власти не переубедили Костю. Никакая антирелигиозная агитация и возможные репрессии не заставили его отступить от веры.

Перед отъездом в летние лагеря Костя участвовал в параде на Красной площади по случаю 1 Мая.

1 Мая надели всё новое, специально выданное на этот день – брюки, рубашки, фуражки, пояса подсумки и т. д., навьючили на себя инструмент (я был с обыкновенной двуручной пилой) скаты и винтовки – в 7.30 с оркестром и в начищенных сапогах двинулись в путь… Выстроились к 9 часам на Красной Площади… Были все военные академии, школы и отдельные части. Особенно сильное впечатление на меня произвели войска особого назначения Г.П.У. Все в хромовых сапогах, металлических шлемах, с карабинами за спиной и маузерами (револьвер, пуля из которого прошьет трех человек сразу) у пояса, – с нерусскими физиономиями (латыши, китайцы и т. д.), все не моложе 25 лет – прошли, как, наверное, раньше ходила гвардия. Шик и блеск. На них, действительно, можно положиться. Зарежет и сразу же об этом забудет.

Именно войска ГПУ произвели на Костю самое большое впечатление, и его характеристика «зарежет и сразу забудет» была очень точной. В 1937-м, когда начались массовые репрессии, эта гвардия прошедших в 1928 году по Красной площади оказалась готова к тому, о чем писал Костя.

В военной службе для него нашелся еще один плюс.

Неожиданно открылось, что военным людям можно бывать в некоторых театрах по так называемым – путевками, конечно, бесплатно.

Путевки же пишутся здесь же в школе. На прошлой неделе, в силу этого, я был на балете «Красный Мак» в Большом театре и на «Царской невесте» – в Экспериментальном. Вчера слушал «Бориса Годунова» в Большом.

После усердных поисков Костя нашел и снял ½ комнаты за 35 рублей в месяц:

Комната в 4-м этаже очень хорошего дома площадью 6 кв. саж. Из них ширмой огорожено саж. 2, каковые и являются моими апартаментами. Владелица комнаты – пожилая дама (60 лет) хорошего происхождения (раньше вся квартира была ее). Сейчас же комната, давно не ремонтировавшаяся, имеет не совсем презентабельный вид; стоит кровать, маленький столик, мягкий стул. Жить, конечно, будет очень спокойно, мешать заниматься никто не будет.

И дополнительно сообщает о хозяйке, что «у ней, оказывается двоюродный брат отдыхает на Соловках». Эти маленькие характеристики Кости создают точную картину положения людей «из бывших».

Костя по-прежнему любит ходить в театр. Один из последних спектаклей, который он посмотрел в 1928 году, была «Любовь Яровая» в Малом театре. «Играют хорошо, но пьеса понравилась – так себе. Много пересоленного». В этой пьесе главная героиня порывает с мужем только потому, что он оказался на службе не в Красной армии, а в белой. В кон-

це пьесы она его предает, выдавая красноармейцам и обрекая на гибель. Наверное, именно поэтому пьеса не очень понравилась Косте. Для него семья – главное в жизни. Никакие идейные мотивы не могут разорвать связь между мужем и женой. Поэтому Костя считает, что автор «пересолил», выставляя на первое место преданность революции, а нелюбовь.

Подводя итог нашему знакомству с письмами Константина Беллюстина 1921–1928 годов, можно сделать вывод, что советская власть не смогла переделать всех людей, оставшихся в России. Ни учеба в институте, ни работа на советских предприятиях, ни служба в рядах Красной армии, никакие льготы красноармейцам и никакие советские спектакли, газеты и лозунги не заставили его поверить в правоту новой власти и в ее честность и справедливость, в чистоту партийных и комсомольских организаций. В 1918 году ему было 14 лет, в 1928-м – 24. Он уже взрослый, он самостоятельный. Он – инженер, его уважают как человека и как специалиста. Но он не стал «советским человеком». Он стал образованным, думающим, анализирующим, ироничным, уважающим справедливость и честность, верующим в Бога и христианские истины морали и нравственности. И это вызывает уважение. К огромному сожалению, Константин Беллюстин умер 10 января 1931 года. Диагноз: паралич сердца вследствие кровоизлияния в мозг при наличии гнойного бронхи-

та.

Изучив чудом сохранившиеся дневники и письма семейного архива Беллюстиных 1918–1928 годов, мы были поражены, насколько полно они сохранились. Ведь это были годы, когда люди не только не сохраняли, а сознательно уничтожали всякие свидетельства своего прошлого.

В дневниках и письмах семьи Беллюстиных перед нами оживает история России в одно из страшнейших своих десятилетий. Перед нами проходит жизнь семьи и молодого человека из того сословия, которое новая власть хотела бы или уничтожить, или переделать. Его письмам к близким нельзя не верить. Они писались не для истории, но сегодня они открыли нам историю.

Алексей Пойлов, Марина Пойлова
Судьба простой русской женщины XX века

г. Волгоград, научные руководители С. В. Воротилова, И. И. Пойлова

Наша работа написана на основе разных источников. Это и устные рассказы самой Евдокии Александровны Залипаевой (Стариковой, 1914–1999), которая часто рассказывала детям и внукам о своей трудной жизни. И воспоминания ее дочерей: Тамары, Любови, Татьяны, рассказы ее внучки и нашей мамы, Ирины, и личные документы, семейные фотографии, а также семейные видеофильмы (они сняты внуком Евдокии, Александром в 1995 году). И наконец, недописанные воспоминания нашей героини о своей собственной судьбе.

Для нас особенную ценность представляют воспоминания нашей мамы, Ирины Ивановны. В детстве она много времени проводила со своей бабушкой, которая знала много сказок и песен, любила рассказывать и о своей жизни. Надо сказать, что у мамы с ее бабушкой была какая-то особая связь. Именно мама фактически спасла от гибели семейные фотографии, которые позволили в дальнейшем восстановить некоторые факты нашей семейной истории и биографии самой

Евдокии Александровны. Это было в 1988 или 1989 году. В то время Евдокия Александровна жила в небольшом частном доме. Дом был построен еще до Великой Отечественной войны. Семья Залипаевых жила там с 1961 по 1999 год. Собирая сведения о судьбе Евдокии Александровны, мы наведались к этому дому. Он произвел удручающее впечатление: покосившийся забор, заросший участок. Наши родственники помнят его ухоженным и очень уютным, с большим садом.

Во дворе этого дома стоял старый сарай, в который маленьким внукам ходить не позволялось, видимо из-за того, что там хранился колюще-режущий садовый инвентарь. Однажды, когда маме было 15-16лет, она увидела в приоткрытую дверь стопку старых бумаг. Войдя в сарай, вытащила их. Так в ее руки попали старые семейные фотографии, которые породили целую череду рассказов, о которых речь пойдет ниже. Почему-то они оказались заваленными в старом сарае. Возможно, про них забыли, когда делали ремонт и многие вещи переносили в сарай?

Еще один крайне важный и интересный источник – неоконченные записи Евдокии Александровны, которые были найдены среди вещей, приготовленных ею на случай смерти. Воспоминания прабабушки написаны на семи отдельных листах простой ученической тетради в линейку. Ли-

сты от времени немного пожелтели и покрылись сероватыми пятнами. По содержанию они охватывают события с 1914-го (это дата рождения Евдокии Александровны) по 1980-е. Мы предполагаем, что именно в 80-е годы воспоминания и писались.

Приступая к жизнеописанию Евдокии Александровны, мы сделали полную расшифровку ее воспоминаний, но в своей работе приводим неправленый текст, чтобы тот, кто будет его читать, тоже понял, какой на самом деле была наша прабабушка, простая, не получившая образования, много трудившаяся, много страдавшая, но размышляющая над своей судьбой женщина.

Прабабушка всегда говорила, что ее детство прошло в детском доме. Евдокия очень мало училась, можно сказать, вообще не училась, поэтому в ее воспоминаниях много не просто грамматических и синтаксических ошибок, но и слов, которые трудно сразу понять, так как писала она, как слышала, и не всегда понимала, как правильно это записать буквами.

Начало биографии

Отец, мать и дочь жили весело,
но изменчива злая судьба
Надсмеялася над малюткою —

мать в сырую могилу слегла…

(Из детдомовской песни прабабушки)

Евдокия Александровна часто напевала одну песню, которую она узнала в детском доме. В ней говорится о судьбе девочки, погибшей от руки своего отца из-за злой мачехи. Видимо, эта песня пробуждала в ней самые грустные в ее жизни воспоминания. Как уже говорилось, наша мама обнаружила в старом сарае стопку старых бумаг и фотографий. Одна из них привела маму в замешательство. На ней была изображена семья с двумя детьми. Когда она спросила у бабушки о том, кто здесь изображен, та ответила, что здесь ее родители и она сама. Мама очень удивилась: ведь бабушка всегда ей говорила о том, что она детдомовская! Откуда же фотография?

Воспоминания прабабушки начинаются так:

Биография маей жызни от 4 лет как я стала помнить по раскзу атца я радылас казахстанская о-б г петропавлск гдье и умерла мая мата…

В процессе реконструкции биографии Евдокии мы столкнулись с некоторыми трудностями. Одна из них связана с датой рождения. В документах разных лет стояла дата рождения – 4 апреля 1911 года. Но сама она утверждала, что в детском доме ей «на глазок» возраст прибавили, что на самом деле она родилась в 1914 году. Это косвенно подтвер-

ждает найденная нами семейная фотография: на ней Евдокия изображена в возрасте до двух лет, а известно, что ее мама, Прасковья Федоровна, умерла в 1917 году. Уже после смерти Евдокии Александровны, сделав запрос в архив, мама нашла данные о ее действительном рождении. В метрической книге Крепостной церкви города Петропавловска есть запись о рождении Стариковой Евдокии первого марта 1914 года в Тобольской губернии Ишимского уезда Бугровской волости села Бугровое. Отец – крестьянин Стариков Александр Лукьянович, мать – Старикова Ефросинья Федоровна. Имя матери Евдокии указано неверно. На самом деле ее звали Прасковья. Это подтверждается записью о смерти: в метрической книге Крепостной церкви города Петропавловска за 1917 год значится, что Старикова Прасковья Федоровна умерла 30 августа.

Мы нашли некоторые сведения о семье отца Евдокии – Старикова Александра. По документам переписи 1897 года в селе Бугровое Соколовской волости Ишимского уезда Тобольской губернии имеются сведения о составе семьи Стариковых. Мы видим, что старшие Стариковы были неграмотны, а вот уже представители поколения отца Евдокии умели читать. Скорее всего, они получили начальное образование в церковно-приходской школе. Это может свидетельствовать о том, что семья Стариковых была достаточно зажиточной. Обучение, как правило, было платным, да и бедняки старались больше использовать подрастающих сыновей в хозяй-

стве.

Но вернемся к воспоминаниям Евдокии Александровны:

…посли смерти матьири атец привол нам мачиху а нас асталос сирот 5 чиловек и я адна была систра 4 брата мачиха была малодая нас не возлюбила издывалас нас тиотка ацова систра забрала…

По воспоминаниям Евдокии известно, что отец ее тяжело заболел тифом, и все думали, что он умрет, поэтому и забрали детей. А тетка, скорее всего, была сестрой матери или двоюродной по отцу, так как родных сестер у Александра не было.

Позже от родных отца выяснится, что Александр Лукьянович Стариков приезжал в Сталинград в 1948 году и искал своих детей. Но фамилия Евдокии была уже Залипаева, а сына Николая не было в живых, поэтому он никого не нашел. О дальней судьбе его ничего неизвестно.

Вернемся вновь к рассказу Евдокии:

…ето был 21 год голод тыиф вот ана нас хатьела спастый брата николая 6 льет и мина 4 года а астольных растаирала по дароги вработники пашли изохльеба лишбы ни умирета а нас привезла на станцыю кривая музга гдье ана прожывала а кнам ана приежала хоронита мата…

Мы выяснили, что Кривая Музга – железнодорожная станция в Волгоградской области. С этого момента начался особенно мучительный период в жизни Евдокии и ее братьев:

…вот сетого и началас наша мучения уния умер муж а асталас доч падчирица и ана тьотки сказала ты мне нужна а етьи сироты не нужны куда хош туда и дьивай тутo наша тьотка и задумолас кудаже нас дьиват назад вистьи уже небьило сила да и кагда забирала вето время атец был болин тьифом ей было очинс нами трудно и ана низнала что дьелат ест нечива сама забольела…

Здесь мы подошли к самому драматическому месту в ее описании: тетка, которая хотела их спасти, в отчаянии пыталась убить своих племянников:

…и ана нас ришьила здьати в дьед дом нас ни бирот и ана нас ришьила утопить видном ерике а была висна уже сели хлеб ана нас подвила керику и села и мы около ния ана стала братишку ласкат стала иво вголовки рьица и вето время привезала фартук на шею а в фартук камин и бросила иво в воду а я закричала и кинулас бижата…

Спас Евдокию и ее брата в этот момент счастливый случай:

…вето времьа мужчина вирхом налошады и несколько лошыдьей гнал поита всо ето видьел

бросилса в воду и достал маево брата развизал камен аткочал положы на бугорок и сразу рванулса доганата тьотку и стал свистьет и махат етаим фартуком и здьес подехала машына ето был придседатьель колхоза он кинулса кнам допросил тьотку тьотка стаяла и плакола и нас вместы с тьоткой повизли в город сталинград и нас апридылили в дьед приемник а тьотку в турму вскоре мы забольели тыфом…

Как мы выяснили, эпидемия тифа была в Царицыне в 1922 году. Значит, Евдокии в это время было около семи лет. Здесь мы обнаружили некоторую несогласованность в сведениях. Евдокия говорит о том, что ее забрали от отца в четыре года, называет дату события – 1921 год, а по исторической хронологии получается, что она была постарше – шести-семи лет. Мы думаем, что ее воспоминания неточны, и нам следует ориентироваться на дату 1922 год – год массового заболевания тифом.

После того как тетка умерла, люди, которые занимались их делом, посчитали необходимым объявить детям о ее смерти и посоветовали им «идти в дети» к чужим людям, если им предложат:

…а тьотка умерла подехала машына к больницы гдье мы лижали и нам открыли гроб паказали говорат вот ваша тьотка умерла таипер увас нет никаво вазможно вас кто вазмот в дьетаи то вы не пиречтаи идаитье…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.